

Цой Екатерина Викторовна

ВОПРОС О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ СИНЛЕКСОВ

В данной статье рассматривается вопрос о возможности включения в состав класса наречий адвербиальных синлексов - сверхсловных, устойчивых, грамматически раздельнооформленных, но семантически цельных номинативных единиц. Адвербиальные синлексы являются функциональными аналогами собственно наречий в синлексическом пласте адвербиального фонда номинативного состава языка: они имеют категориальное значение признака действия; как и наречия, характеризуются неизменяемостью; в предложении выполняют обстоятельственную функцию и являются составными наименованиями различных обстоятельств действия. Если при выделении частей речи признать паритет функционально-семантических признаков, то адвербиальные синлексы могут быть включены в состав наречий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 169-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

8. King, Stephen. *Cujo*. - New York: A Signet Book, 1982. – 305 p.
9. King, Stephen. *Bag of Bones*. - New York: Scribner, 1998. – 530 p.
10. Sheldon, Sidney. *Rage of Angels*. - Warner Books Edition, 1983. – 605 p.

ВОПРОС О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ СИНЛЕКСОВ

Цой Е. В.
ИМОЯК ТПУ

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Никитенко И. В. и к.ф.н., доц. Вяничевой Т. В.

В данной статье рассматривается вопрос о возможности включения в состав класса наречий адвербиальных синлексов - сверхсловных, устойчивых, грамматически раздельнооформленных, но семантически цельных номинативных единиц. Адвербиальные синлексы являются функциональными аналогами собственно наречий в синлексическом пласте адвербиального фонда номинативного состава языка: они имеют категориальное значение признака действия; как и наречия, характеризуются неизменяемостью; в предложении выполняют обстоятельственную функцию и являются составными наименованиями различных обстоятельств действия. Если при выделении частей речи признать паритет функционально-семантических признаков, то адвербиальные синлексы могут быть включены в состав наречий.

Проблема границ частей речи и принципов их выделения в различных языках мира - одна из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания. Сложность и дискуссионность вопросов, касающихся теории частей речи, связаны с определением того, какова иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи. В отечественном языкознании части речи определяются как классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств. При этом не все части речи обладают полным набором этих параметров. За рамками общепризнанно выделяемых частей речи остаются целые разряды слов, не обладающие всем комплектом перечисленных выше различительных признаков. Так, до конца не решен вопрос о частеречной самостоятельности и отдельности местоимений, причастий, деепричастий, порядковых числительных, слов категории состояния.

В данной статье рассматривается вопрос о включении в рамки наречия как части речи сверхсловных, устойчивых, грамматически раздельнооформленных, но семантически цельных номинативных единиц с адвербиальной (от лат. *adverbium* - наречие) категориальной семантикой типа *большой частью*, в виде *исключения*, в *знак огласия*, в *порядке очереди*, по *большому счёту*, по *крайней мере* и т.п. - т.н. адвербиальных синлексов. Термин «синлекс», введенный в научный обиход Г. И. Климовской, обозначает такую номинативную единицу: композитивную (составную) по грамматической структуре, стилистически нейтральную, с закрепленным лексным составом и порядком следования грамматически раздельнооформленных элементов, выполняющую «чисто» номинативную функцию [Климовская 1970].

Можно ли считать составные наименования типа *режим дня*, *железная дорога*, *состав преступления*, в *натуральную величину*, *оказать влияние*, в *порядке исключения*, *(он) в затруднительном положении* членами соответствующих частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, единиц категории состояния, наречий) и на каком основании?

С одной стороны, постановка вопроса о включении синлексов в рамки той или иной части речи вызывает сомнения и прямые возражения, если рассматривать части речи прежде всего как классы слов. С другой стороны, некоторые исследователи (Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон, М. В. Панов) считают возможным выделение в пределах частей речи сверхсловных единиц: «В принципе мы считаем, что словесные комплексы могут быть частями речи» [Авалиани, Ройзензон 1968: 87], «В языке могут появляться новые аналитические лексеммы, более того – может формироваться новый грамматический класс (новая часть речи) аналитических слов» [Русский язык и советское общество 1968: 13].

Синлексы обнаруживают отчетливую частеречную отнесенность на основании тех же критериев, которые применяются к собственно словному материалу: 1) общность категориальной семантики; 2) общность морфологических показателей; 3) общность синтаксических функций в предложении.

Синлексы так же, как и слова, являются наименованиями предметов (*дом отдыха*, *часть света*, *знаки препинания*, *произведение искусства*, *общая тетрадь*, *земной шар* и т.п.), признаков предмета (*высокого роста*, *средних лет*, *комнатной температуры*, *цвета морской волны*), действий (*уделять внимание*, *оказывать услугу*, *принять решение*, *брать начало*, *иметь в виду*, *дать огласие*), состояний (*(он) в приподнятом настроении*, *(он) в нетрезвом состоянии*, *(он) в шоковом состоянии*), признаков действия (*в настоящее время*, в *корыстных целях*, по *семейным обстоятельствам*, в *центре города*, с *места событий*). Адвербиальные синлексы являются функциональными аналогами собственно наречий в синлексическом пласте адвербиального фонда номинативного состава языка: они имеют категориальное значение признака действия; как и наречия, характеризуются неизменяемостью; в предложении выполняют обстоятельственную функцию.

Попытка включить фонд адвербиальных синлексов в состав наречия как части речи вызывает необходимость в детальном сопоставлении синлекса и слова в общем и адвербиального синлекса и грамматически цельнооформленного наречия в частности.

Несмотря на то, что синлекс вообще и адвербиальный синлекс в частности является структурно композитивной номинативной единицей, состоящей из морфологически и графически раздельных лекс, он, отличие

от словосочетания, обладает цельным (слитным) лексическим значением. Это последнее обстоятельство делает синлекс, несмотря на давление факта грамматической и графической раздельнооформленности его структурных элементов, функциональным эквивалентом слова, соотношенным с одним отдельным фактом действительности [Климовская 1978: 34].

Семантическая цельность синлекса является результатом происходящих в его рамках внутренних семантических процессов – перестройки семного состава исходных элементов – и проявляется в том, что синлекс, как правило, имеет словные эквиваленты: *принять решение - решить, оказывать влияние - влиять, зачётная книжка - зачётка, детский сад - детсад, (платье) в крупную клетку - клетчатое (платье), в порядке очереди - поочередно* и т.д.

Различие же между словом вообще и синлексом вообще носит чисто формальный характер: слово характеризуется морфологической и графической цельностью, а синлекс – морфологической и графической раздельнооформленностью.

В подтверждение всему вышесказанному приведем список адвербиальных синлексов, эквивалентных по семантике цельнооформленным наречиям: *без особого желания - нехотя, неохотно; большей частью (по большей части) - преимущественно; в ближайшее время, в ближайшие дни - скоро; в большинстве случаев - обычно, преимущественно; в скором времени - скоро; в весеннее время - весной; в вечернее время - вечером; в высшей степени - очень, крайне; в зимнее время - зимой; в летнее время - летом; в ночное время - ночью; в обязательном порядке - обязательно; в осеннее время - осенью; в первое время - вначале; в первую очередь - сначала; в первый раз - впервые; в письменной форме - письменно; в полной мере - вполне; в популярной форме - популярно, доступно; в порядке очереди - поочередно; в равной степени - одинаково; в самом деле - действительно, точно; в срочном порядке - срочно; в то же самое время - одновременно; в частном порядке - индивидуально; в устной форме - устно; все время - постоянно; главным образом - преимущественно; методом тыка - наугад; на долгое время - надолго; на короткое время - ненадолго; на общественных началах - безвозмездно; на следующее утро - наутро; на следующий день - наавтра (прост.); первое время - сначала; решительным образом - решительно; своими силами - самостоятельно; совместными усилиями - вместе; чудесным образом - чудом.*

Следует подчеркнуть, что в качестве основного признака, объединяющего синлекс как таковой и слово в рамках той или иной, но одной части речи, выступает тождество их номинативной функции: «При анализе частей речи важнее оказывается установить то, что называет данная часть речи и к какому кругу объектов действительности она обращена» [Кубрякова 1978: 32]. При сопоставлении между собой структурных и семантико-функциональных характеристик единиц в свете их основной – номинативной – функции наибольшую ценность приобретают именно семантические и функциональные характеристики (ср. *в порядке очереди = поочередно*). Именно сходство этих показателей у слова и синлекса сообщает и тому, и другому свойства, необходимые для отдельной номинативной единицы: устойчивость внутреннего состава – аффиксального для слова и лексного для синлекса; воспроизводимость; семантическую цельность как результат соотношенности с одним отдельным фактом действительности.

Важно отметить, что наречие как часть речи в значительной мере оформилось в процессе функционирования падежных и предложно-падежных форм существительного в обстоятельственной функции и изоляции какой-либо грамматической формы от падежной парадигмы существительного. Это соображение опирается на высказывание И. И. Мещанинова, автора капитального труда «Члены предложения и части речи»: «Представляя в большинстве случаев производное образование, наречия обязаны своим выделением в особую группу слов синтаксическому их значению... наречия выделяются в особую часть речи, когда их синтаксическая функция придает им свойственное лексическое оформление» [Мещанинов 1978: 345]. В результате адвербиализации одиночных существительных *весна, вечер, зима, лето, ночь, осень* и составных наименований *весеннее время, вечернее время, зимнее время, летнее время, ночное время, осеннее время*, в языке образовались семантически дублетные адвербиальные единицы *весной - в весеннее время, вечером - в вечернее время, зимой - в зимнее время, летом - в летнее время, ночью - в ночное время, осенью - в осеннее время*.

Особенность производных наречий, образованных от существительных с предлогом или без, типа *утром, вверх* состоит в том, что в их значении наблюдается факт совмещения нескольких (двух и более) семантических компонентов. Например, в наречии «*утром*» совмещается два означаемых: первое, заключенное в производящей основе: «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день», второе, заключенное в самом конверсиве: «обозначение времени действия»; в наречии «*вверх*» первое означаемое, заключенное в основе существительного «*верх*» – «наиболее высокая, расположенная над другими часть чего-нибудь», второе, заключенное в самом конверсиве «*вверх*» – «обозначение направления движения».

В однословных наречиях факт совмещения нескольких значений формально не выражен, а в адвербиальных синлексах формально выражен, ср.: *летом - в летнее время, ночью - в ночное время, чудом - чудесным образом* и др.

В связи с функциональной равнозначностью грамматически цельнооформленных и грамматически раздельнооформленных адвербиальных номинативных единиц возможно говорить об отнесении их к наречию как части речи, опираясь на ценное в этом плане высказывание В.В.Виноградова: «Составные слова могут относиться ко всем девяти традиционным частям речи и быть составными существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями, числительными, наречиями, предлогами, союзами, междометиями» [Виноградов 1947: 24].

В традиционной грамматике русского языка многие словесные комплексы, как уже отмечалось выше, уже давно на законных основаниях считаются частями речи: ср. составные числительные (*двадцать пять, сто тридцать один*), составные предлоги (*в отличие от, в связи с, в течение*), составные союзы (*тем не менее, между тем*).

Разрешение вопроса о частеречном статусе адвербиальных синлексов имеет как теоретическое значение (исследование проблемы отдельности слова, определение критериев отграничения слова от синлекса), так и практическую ценность: от этого зависит теория и практика лексикографической работы. Без учета адвербиального синлексического материала номинативный состав наречия как части речи принципиально неполон. То же касается и каждого семантического разряда наречия: образа действия, места, времени и т.д., тем более что с помощью адвербиальных синлексов стало возможным выражение еще одного обстоятельного значения – значение условия (например, *ни при каких обстоятельствах, при сложившихся обстоятельствах, при одном условии*).

В заключение можно сделать вывод о том, что при решении некоторых спорных теоретических вопросов следует признать паритет морфологического и функционального образа лингвистического мышления и даже, может быть, в ряде случаев с учетом специфики решаемой лингвистической задачи и, главным образом, специфики фактического материала языка, стать над существующими традициями и отдать предпочтение функциональному подходу к фактам языка.

Список использованной литературы

1. Авалиани Ю. Ю., Ройзензон Л. И. Могут ли быть частями речи словесные комплексы // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). - Л.: Наука, 1968. - С. 87-97.
2. Виноградов В. В. Русский язык. - М.-Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
3. Климовская Г. И. О характере синонимологического знания // Синонимия в языке и речи. - Новосибирск, 1970. - С. 3-13.
4. Климовская Г. И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. - 200 с.
5. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. - М.: Наука, 1978. - 116 с.
6. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. - Л.: Наука, 1978. - 387 с.
7. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. - М.: Наука, 1968. - 232 с.

К ВОПРОСУ О КОДАХ: ДЕФИНИЦИИ, ТИПЫ, СТРОЕНИЕ (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ)

Чаплыгина Ю. С.

Самарский государственный экономический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Водоватовой Т. Е. и к.ф.н., доц. Кулаевой О. А.

Описание кодов (знаковых систем) отражает не только развитие человеческой культуры, но также и эволюцию человеческого рода. Основным элементом упорядоченной системы является знак, представляющий собой некоторую сущность, материально-идеального характера. Любая сущность в принципе может выступать в знаковой функции, но при этом ее знаковость ограничена постольку, поскольку сфера проявления знаковой функции в каждом отдельном случае ограничена пространственно-временными параметрами ситуации, в которой эта сущность является интерпретатору. Ведущим кодом на данном этапе развития человечества, обслуживающим homo sapiens является язык.

В последнее время «коды» приобрели особую популярность. Von top стало использовать слово «код» в заголовках газетных статей и названиях книг (ср.: «Взламывающая код ядерного убийцы», «Код доступа», «Взламывающая коды» (книга об истории советского шпионажа), «Код да Винчи», «Взламывающая код да Винчи» и т.д.). Поговорить о кодах и шифрах, а особенно о «взламывании кодов» стало исключительно благодарным занятием. Но почему? Что побуждает нас к этому? Вот вопрос.

Существует мнение, что описание кодов (знаковых систем) отражает не только развитие человеческой культуры, но также и эволюцию человеческого рода [Соломоник 2002]. А уж что, как ни собственная история должна быть одним из основных объектов интереса каждого образованного человека. Итак, обратимся для начала к историческому значению слова «код». Этимологический словарь дает нам следующее толкование: «Code, [Codex, L. a book or Roll, from Caudex, L. The Trunk of a Tree: because anciently their books were made of Wood] a volume of civil Law, which the Emperor Fultinian **collected** from all the Pleas and Answers of the Ancient Lawyers, and **compiled** them into a **Book**, which he called **Codex**» [Bailey 1969: 67] - законы, которые доблестный император «сбирал» и «компилировал», приводя их в систему - **свод**. Современные энциклопедические словари предлагают такие определения кодов: код (франц. code) - «**совокупность знаков (символов) и система** определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания)» [БРЭ 2003: 700]; «**упорядоченная совокупность условных знаков** (напр., цифр, букв) или **сигналов** (электрич., световых и др.), используемая для передачи, обработки и хранения информации...» [БРЭ 2005: 343]; «essentially an overgrown **monoalphabetic substitutions** ...» [EAIE 1972-1973: 281] и т.д. Во всех приведенных нами выше